

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Р. Абреу-Фамлюк

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В НАУЧНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

В статье рассматриваются особенности реализации интерпретирующих речевых актов в научной и политической дискуссии. Производится сравнительный анализ ряда формальных и коммуникативно-прагматических параметров, способных отражать своеобразие исследуемых речевых явлений в рамках каждого из анализируемых типов устного институционального диалога. Выявляются зависимости между наиболее существенными чертами данных видов дискуссии и особенностями функционирования в них интерпретирующих речевых актов.

Устная разновидность научной и политической дискуссии обладает рядом особенностей, которые обуславливают сложность процесса взаимодействия между речевыми партнерами. Так, количество участников диалога часто превышает «обычную диалогическую пару» [1, с. 7] (круг потенциальных речевых партнеров расширяется за счет наличия модераторов дискуссии и аудитории), что требует от коммуникантов существенно больших усилий для контроля динамики развития мысли собеседника. Политематичность и разнообразие интенций говорящих приводят к образованию в структуре устной дискуссии множества взаимосвязанных монологов и диалогов с различным составом задействованных участников и с разным охватом проблемного поля [Там же]. Полемичность и дискуссионный характер рассматриваемых видов устного институционального дискурса требуют от коммуникантов умения четко отделить аргументы собеседника от своих собственных с целью их дальнейшего комментирования и оценки. В таких условиях для мониторинга успешности процесса понимания возможно использование особого типа верификативных высказываний [2, с. 17; 3, с. 127] – интерпретирующих речевых актов (далее ИРА) [4, с. 64]. Они позволяют говорящему не только проверить правильность произведенной интерпретации, но и использовать свою трактовку сообщения как основание для осуществления дальнейших речевых действий (постановки вопроса, выражения несогласия и т.д.).

Целью данного исследования является выявление особенностей функционирования и реализации интерпретирующих речевых актов в научном и политическом типах диалога. В качестве материала использовались стенограммы дискуссий, из которых отобраны 1200 контекстов на трех языках: русском, английском и французском языках (исследовалось по 200 контекстов с ИРА для каждого языка в каждом из изучаемых типов дискурса). Непосредственному сравнению подвергались ИРА в политической и научной дискуссии (без учета национально-культурной специфики данного явления в рассматриваемых языках).

Исследуемые типы дискуссий характеризуются фундаментальными различиями в целях и, соответственно, в тактико-стратегической организации. Глобальная стратегическая направленность научного диалога связана с информативностью, поэтому наиболее используемые стратегии ориентированы на такие цели, как выражение потребности в информации и стимулирование речевой активности коммуникантов, обоснование и защита собственных тезисов, выражение отношения и оценки [5]. Некооперативное и нетолерантное поведение в рамках научной диалогической коммуникации «вступает в противоречие с ключевыми принципами институциональной коммуникации» [Там же], поэтому является скорее исключением, чем правилом. Совершенно иная ситуация возникает в политическом диалоге агональной направленности, в котором использование некооперативных стратегий речевого поведения обусловлено целью политической коммуникации – присвоением и удержанием власти. Данные фундаментальные отличия во многом объясняют и выявленные особенности употребления ИРА.

Специфика использования любого речевого действия может зависеть от ряда параметров (например, от национально-культурных особенностей, формально-структурных характеристик конкретного языка и т.д.). В данном случае анализировалось воздействие на реализацию ИРА важнейшего параметра – типа дискурса. Рассмотрим выявленные особенности более подробно.

1. Рефлексивность/нерефлексивность ИРА. Такая характеристика, как рефлексивность/нерефлексивность ИРА, подразумевает направленность интерпретации на собственную пропозицию говорящего (в случае рефлексивного ИРА) или на слова собеседника (в случае нерефлексивного ИРА). При анализе типов ИРА разделение по данному критерию производилось в первую очередь, так как, во-первых, общая доля рефлексивных ИРА составляет не более 15 % от общего числа ИРА, а во-вторых, формальная и семантическая структура рефлексивных ИРА существенно отличается от интерпретируемых высказываний нерефлексивного типа и требует отдельного рассмотрения. В структуре рефлексивных ИРА имеются такие клише, как «*Я не говорил, что... Я говорил, что...*»; «*Я не думаю, что... Я думаю, что...*» и т.п.:

(1) – ***I don't think** there is a stop along the way. **I think that** it's clear that the four conservatives who have been on the Court and were in Fisher II...*

Для нерефлексивных ИРА более характерны иные языковые показатели: «*Вы говорите, что...*»; «*я правильно понимаю, что...*»; «*Вы думаете, что...*» и т.п.

По нашим наблюдениям, формальная и семантическая структура рефлексивных ИРА в научной и политической дискуссии не имеет отличительных дискурсивных особенностей. Однако примечателен факт более высокой употребительности ИРА рефлексивного характера в научной дискуссии. Если в среднем по языкам ИРА в научном дискурсе в 12,2 % случаев имеют рефлексивную природу, то в политическом этот показатель не превышает 5,7 %. Иными словами, в политической дискуссии более чем

в 2 раза реже встречаются рефлексивные ИРА. Причиной этому может служить большая строгость и требовательность к форме выражения в научной речи, из-за чего речевые партнеры больше внимания уделяют коммуникативным приемам, позволяющим не допустить искажения своей мысли. В политической же дискуссии оппоненты склонны чаще апеллировать к словам собеседника, общаясь в режиме личной или групповой конфронтации. Это подтверждается еще и тем, что я-ориентированные ИРА, включающие в формальным показателем ссылку на самого говорящего, в среднем преобладают также именно в научной дискуссии.

2. Самостоятельный/вспомогательный характер ИРА в структуре реплики. Иллокутивное разнообразие реплики с ИРА. В ряде случаев ИРА используется говорящим для мониторинга успешности понимания сообщения. В таком случае реплика состоит из самостоятельного ИРА, в котором говорящий формулирует запрос на правильность/ошибочность предложенной им трактовки сообщения:

(2) – ***Я правильно понимаю, что институт законодательно-сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации занимается политической деятельностью?***

– *Нет, это официальный институт.*

Самостоятельные ИРА преимущественно являются интеррогативами, так как представляют собой верификацию правильности произведенной интерпретации и по этой причине часто имеют форму вопроса, ответом на который должно быть подтверждение или опровержение интерпретационной гипотезы.

Однако прагматический потенциал ИРА не исчерпывается реализацией интерпретационного намерения. Интерпретация в составе реплики может дополнять или подготавливать иное речевое действие, быть базой для выражения другой интенции, и в таком случае речь идет о вспомогательном ИРА. При этом степень усложненности реплики с ИРА может быть различной. Интерпретация может сочетаться с одной, двумя и даже тремя интенциями. Проиллюстрируем последний случай:

(3) – *Говоря о мигрантах, Вы правильно говорите, что эта проблема создана работодателями и чиновниками, которые наживаются на рабском труде. Но я хочу обратить внимание, что в очень тяжелом положении находятся и москвичи – люди труда, которые работают на предприятиях, наемные работники. Им то увеличивают рабочий день, то сокращают рабочую неделю. Мне кажется, что московские власти в принципе мало внимания уделяют тому, что происходит на предприятиях. Вот как Вы считаете, почему московская власть этому вопросу уделяет мало внимания?* (интерпретация комбинируется с речевыми действиями согласия, выражения своего мнения и вопроса).

Вспомогательные ИРА, в свою очередь, предпочтительно выражаются репрезентативами, а непосредственным стимулом к реакции для собеседника может стать иное речевое действие, следующее за ИРА.

Анализ количественных данных показал, что в научном дискурсе более чем в два раза чаще употребляются самостоятельные ИРА (17,2 % против 8,5 % в политическом), тогда как в политической дискуссии практически в 2 раза больше доля реплик, в которых интерпретация объединяется с двумя и тремя речевыми действиями (10,3 % в научном и 20,5 % в политическом дискурсе). Выявленная тенденция подтверждается и параметром иллокутивной выраженности: в научной дискуссии ИРА в 21,7 % случаев являются интеррогативами, а в политической дискуссии – только в 12,3 % случаев. В политической дискуссии собеседники более склонны иллокутивно усложнять свои высказывания, в то время как в научной дискуссии коммуниканты чаще прибегают к простой проверке правильности своего понимания. Любопытно, что самостоятельные ИРА, как правило, требуют от собеседника реакции в виде подтверждения/опровержения интерпретационной гипотезы интерпретатора, а более усложненные реплики с ИРА оставляют автору исходного высказывания меньше возможности откорректировать неверно осуществленную трактовку сообщения. Это позволяет предположить, что в рамках научной коммуникации интерпретатор более заинтересован в том, чтобы действительно прояснить смысл воспринятого сообщения. В политическом диалоге бóльшую важность представляет апелляция к словам оппонента («вы же сами сказали, что...»), а в дальнейшем интерпретатор стремится переключить внимание собеседника с интерпретации на иные речевые действия (ответить на вопрос, отреагировать на несогласие и т.д.), то есть прояснение смысла пропозиции для интерпретатора выступает вторичным. Чем больше иллокуций закладывается в составе реплики, тем менее вероятно, что собеседник будет реагировать на интерпретационный компонент, особенно учитывая, что он, как правило, располагается в препозиции по отношению к другим речевым действиям в реплике. Преобладание самостоятельных ИРА в научной дискуссии, соответственно, подчеркивает желание интерпретатора приблизиться в своем понимании к исходному варианту пропозиции. Эта тенденция в принципе созвучна задачам научного диалога, состоящим в представлении и обсуждении научных концепций и обмене результатами исследований. Участники политической дискуссии ориентированы не только и не столько на поиск истины, сколько на продвижение своих политических интересов и воздействие на общественное мнение, поэтому концентрация на содержании высказывания других коммуникантов свойственна им в меньшей степени, если, конечно, это не служит определенным целям, ср.:

(4) – ***Я правильно понимаю, что вам вообще нечего предложить, кроме критики Людмилы Стебенковой и походом за ней на встречи?***

Очевидно, что по форме данное высказывание приближено к ИРА, но целью его является вовсе не интерпретация слов собеседника, а подрыв его авторитета и умаление его достоинства.

Из данной тенденции преобладания в научной дискуссии самостоятельных ИРА, а в политической, наоборот, развернутых и усложненных реплик с участием ИРА, вытекают и закономерности формального выражения интерпретирующих речевых действий.

3. Характер предиката, используемого в языковом показателе ИРА. Важным компонентом ИРА является языковая конструкция, в поверхностную структуру которой включаются следующие наиболее употребительные предикаты: предикат речи («*Вы говорите о...*»; «*Вы сказали, что...*»; «*Вы упомянули...*» и т.д.); предикат понимания («*я так понимаю, что...*»; «*правильно ли я понимаю...*» и т.д.); предикат мнения («*Вы считаете, что...*»; «*Вы думаете, что...*» и т.д.); предикат согласия («*Я согласен, что...*»; «*Вы правы, что...*» и т.д.).

В среднем для трех языков во всех типах дискурса наиболее частотными являются ИРА с предикатом речи (около 50 % и более). Следует, однако, отметить одну любопытную особенность предикатов речи в политической дискуссии. Помимо их количественного доминирования (63,5 % ИРА с предикатом речи было отмечено в политической дискуссии, в то время как в научной их только 47,7 %), можно подчеркнуть особую важность предиката речи именно в политическом диалоге, что подтверждается регулярным акцентированием и повторением конструкций с предикатом речи (чего не было зафиксировано в диалогах научной дискуссии) в русском и английском языках:

(5) – *Вы говорите о том, что вы легко прекратите войну? Одним махом? Вы сдадите Донбасс? Вы говорите, что вы в одностороннем порядке передадите границу Украине и выполните свои?..*

– *Игорь Иванович, не передергивайте...*

– *У меня есть ваши цитаты;*

(6) – *I mean this is the president who **said** there were weapons of mass destruction, **said** mission accomplished, **said** we could fight the war on the cheap; none of which were true.*

Повторения предиката также характерны и для французского языка и но эта особенность касается предиката мнения:

(7) – *Nous avons le taux d'encadrement le plus élevé de l'OCDE. Vous trouvez qu'on a les résultats qu'on mérite ? Vous trouvez que tout va bien ? Vous trouvez que les professeurs sont heureux ?..*

Тенденция к повторению предиката обусловлена агональностью политической дискуссии, следствием которой является высокая степень эмоционально-экспрессивной насыщенности и эмфатичности, несопоставимые с научным диалогом.

Любопытно, что использование предиката мнения более характерно для научного дискурса, где он употребляется в 8,5 % случаев (тогда как в политическом только в 2,8 % случаев). Вероятно, в политическом диалоге говорящий в большей степени стремится «поймать собеседника на слове», чтобы углубить противопоставление позиции оппонента своей собственной,

подчеркивая это с помощью предиката речи («это его слова», «это вы так сказали»). В ходе научного обсуждения собеседники чаще прибегают к использованию предиката мнения с целью прояснения личной позиции конкретного субъекта научной дискуссии по определенному вопросу:

(8) – *Простите, можно уточнить? Вы все-таки **считаете**, что жесткая политика без бюджетного дефицита, без финансовых вливаний обрекает Европу и США на сокращение производства?*

Примечательно, что предикат согласия для всех языков более употребителен в политическом дискурсе (13 % против 3,8 % в научной). Даже в агональном диалоге конфликтного характера предикаты согласия сохраняются в качестве регулярного средства оформления ИРА. И возможные причины этого кроются в основном, на наш взгляд, в дискурсивном отличии политической и научной дискуссии – возможности косвенного выражения интенций, комбинирующихся с ИРА.

4. Прямой/косвенный характер выражения интенций. В политической дискуссии ИРА могут кардинально менять свою прагматическую природу: из абсолютно кооперативной интенции интерпретация трансформируется в инструмент ведения коммуникативной атаки. Среди приоритетных стратегий, которые непосредственно воздействуют на характер ИРА в политическом диалоге, следует, прежде всего, назвать *стратегию дискредитации* и *стратегию позитивной самопрезентации*.

Стратегия дискредитации оппонента имеет целью «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [6, с. 52]. В политической агональной речи она представлена настолько широко, что даже ИРА во многих случаях подчинены этой цели независимо от характера интенций, эксплицитно присутствующих в коммуникативной структуре высказывания:

(10) – *And what you've just pointed out is that you would lack the courage to meet with both adversaries and friends to ensure the peace and national security of our nation* (акт дискредитации собеседника с использованием цитирующего ИРА).

Многие речевые действия, комбинирующиеся с ИРА, могут иметь расхождения в поверхностной и глубинной структурах. Так, например, внешнее согласие в некоторых случаях имеет скрытой целью компрометацию партнера по общению и подрыв его имиджа:

(11) – *Михаил, отвечая на последний вопрос ведущего, вы сказали совершенно правильную вещь, что управлять Москвой должны москвичи, а не приезжие. Не кажется ли вам, что вы должны свою кандидатуру снять, потому что вы не москвич?*

Этот любопытный коммуникативный ход применяется в политическом диалоге с целью обоснования и подкрепления собственного аргумента за счет интерпретации слов автора исходного высказывания, а согласие, по видимому, позволяет усыпить бдительность оппонента, чтобы затем нанести ему коммуникативный удар. Именно использование согласия для целей

дискредитации собеседника объясняет и более высокую частотность комбинаций речевых действий интерпретации и согласия (20,7 % против 10,5 %, т.е. почти в 2 раза чаще, нежели в научной дискуссии), а также более широкую употребительность ИРА с предикатом согласия в политической дискуссии.

Любопытен тот факт, что стратегия позитивной самопрезентации в политическом диалоге может выстраиваться с помощью ИРА как реакция на попытки собеседника осуществить акт дискредитации. В нижеприведенном фрагменте автор исходного высказывания акцентирует внимание на том факте, что партия его оппонента вкладывает слишком много бюджетных средств для решения проблем в этой области. Собеседник изящно поворачивает это утверждение в свою пользу:

(12) – *Je pense que votre plan y... bon je pense que vous faites plus de ce qui ne marche pas...*

– *...J'apprécie le fait que vous reconnaissiez qu'effectivement nous, on en a fait notre première priorité.*

Таким образом, произведенный анализ демонстрирует, что различия дискурсивного плана оказывают значительное влияние на оформление и коммуникативный потенциал ИРА. Более высокая степень иллюкутивной усложненности реплик с ИРА в политической дискуссии свидетельствует о стремлении говорящего ограничить коммуникативное маневрирование собеседника в интерпретационном процессе. Информативность и толерантность научной коммуникации способствуют реализации прямой и непосредственной роли ИРА – мониторингу понимания и прояснению позиций собеседников. В то же время агональность, экспрессивность и допустимая некооперативность коммуникантов в политической дискуссии способны смещать вектор интерпретации в сторону высказываний дискредитирующего характера, отражающих стремление интерпретатора ослабить коммуникативную позицию собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клобукова, Л. П. Научная дискуссия как акт коммуникации (лингвометодический аспект) / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1998. – Вып. 3. – С. 5–19.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
3. Волкова, Е. А. Дискуссия как одна из форм устной коммуникации / Е. А. Волкова, Т. Г. Широкогорова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2016. – № 53. – С. 125–132.
4. Кобозева, И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 63–71.
5. Чалова, О. Н. Стратегии и тактики научного дискурса / О. Н. Чалова // Уч. зап. – 2017. – Т. 24. – С. 165–170.

6. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс // Вестн. Ом. ун-та. – 1997. – Вып. 2. – С. 51–54.

The article discusses the features of the implementation of interpretive speech acts in scientific and political discussion. A comparative analysis of a number of formal and communicative parameters that can reflect the originality of the studied speech phenomena is carried out. The author reveals connections between the essential features of each type of discussion and the characteristics of the functioning of interpretive speech acts.

Поступила в редакцию 16.09.2020

О. И. Десюкевич

АКСИОЛОГЕМА *ЗЕМЛЯ* В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. АЛЕКСИЕВИЧ «ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА»

Целью статьи является экспликация содержания языкового знака *земля* в диалогической структуре текста Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва» и анализ его реконструкции в переводе на английский язык. Путем анализа метафорики и контекстуального анализа каждого значения полисеманта делается вывод о частичном расширении денотативного измерения концепта *земля* и кардинальном переосмыслении его сигнификативного измерения в пространстве текста относительно зафиксированных словарями. Аксиологема *земля* получает в целом адекватную реконструкцию в переводе с учетом ассоциативного фона знаков *earth, land, soil, ground, dust, home*, благодаря чему читатель перевода в полной мере осознает масштаб катастрофы, вынуждающий людей отказаться от привычной картины мира и искать новые способы взаимодействия с ним.

Светлана Алексиевич создала особый тип документальной прозы, который имеет целью зафиксировать, интерпретировать и обобщить опыт, полученный множеством людей под воздействием глобального события. Предметом художественного постижения являются факты ментального мира – не конкретные события, а то, как они были «пережиты» и осмыслены людьми, к нему причастными. Так, книга, о которой идет речь в статье, – «Чернобыльская молитва» – не является описанием катастрофы на атомном реакторе, это коллективный опыт осмысления того, чего раньше не случилось, к чему и восприятие, и язык оказались не готовы.

Тип текста, по словам Светланы Алексиевич, «вживляемый» ею в литературу и получивший в литературоведении целый ряд определений – «эпически-хоровая проза, роман-оратория, соборный роман, документальное самоисследование» [1, с. 241], характеризуется диалогическими отношениями между голосом автора и голосами персонажей, свидетелей. Вводная часть, в которой звучит голос автора, а именно часть, названная «Интервью автора с самим собой о пропущенной истории и о том, почему Чернобыль ставит под сомнение нашу картину мира», суммирует сказанное персонажами. Автор во вступительном эссе дает компрессию того, что будет сказано в основной части устами героев, и, обобщая концептуализацию разных